

ГЛАВА 1

Партизанский отряд «За Родину» потерял за две недели больше половины своих бойцов. Карательные операции фашистов следовали одна за другой. Две базы отряда в лесах на Орловщине были разгромлены. Партизаны спали на земле, голодали. Зайти в любое село означало подвергнуть его жителей смертельной опасности. Каратели убивали всех, сжигали дома при малейшем подозрении, что жители помогали партизанам. В леса фашисты бросили не только свои регулярные части, но и отряды украинских националистов. И зачастую те вели себя более жестоко, чем немцы. Волна зверских расправ прокатилась по партизанским районам.

Почти постоянно в небе, если позволяли погодные условия, висели немецкие самолеты-разведчики. Двигаться приходилось ночами. Вчера отряд выдержал многочасовой бой с карателями, уничтожив более роты автомат-

чиков, и вырвался из плотного кольца оккупантов.

Командир отряда Никифор Свиридов подгонял своих бойцов, подбадривал раненых. Потеряв руку во время боев еще в 1919 году, Свиридов в первый же день фашистского нападения на Советский Союз пришел в военкомат и попросил направить его хотя бы на инструкторскую работу. А когда враг подошел к Орловщине, Никифор начал собирать партизанский отряд, создавать в лесах военные базы. Сейчас, осунувшийся, небритый, он то шел впереди отряда, то пропускал мимо себя колонну, всматриваясь в лица смертельно уставших партизан. Главное — не терять силу духа, понимал командир.

Многие мужики были из этих мест, куда сейчас выходил отряд. Из этих сел. Многие тревожились за своих родных и близких.

Когда справа над лесом стал заметен черный смолистый дым, к Никифору подбежали двое молодых бойцов — два брата Симоненко.

— Никифор, — старший брат Степан схватил Свиридова за локоть, — там наше село Новоникольское горит!

— Нельзя, хлопцы, — покачал головой командир. — Сами же знаете, что нельзя нам! Остановитесь, Степан, Пантелей!

— А на кой черт мы вообще воюем? — заорал младший Симоненко и сорвал с плеча автомат. — Баб, детишек своих, матерей защищать собрались, а что получается?

— Вы в отряд вступили, значит, должны соблюдать приказы, — нахмурился Никифор, понимая, что накалилось у ребят внутри ненавистью до такой степени: спичку поднеси — и загорится.

— Внутри у меня приказ! — Степан рванул рубаху так, что полетели пуговицы. — И у Пантюхи тоже! За свой двор, за родных своих сражаться пошли, так что не гневи бога, командир! Не жить нам, если с ними что случилось. Незачем!

Отряд остановился, слушая горячий разговор братьев с командиром. Никто не вмешивался, никто не проронил ни слова, понимали, что творится у ребят в душе. Старик-отец, больная мать. У старшего брата там жена, у младшего — невеста. У многих в душе было так же черно, у многих сердце сейчас было переполнено болью. Бойцы садились на привал, снимали с плеч тяжелые ящики с боеприпасами. А Степан и Пантелей Симоненко уходили через лес в сторону горевшего села.

Трое бойцов из тех, кто пришел в отряд еще осенью 1941 года, собрались возле командира.

— Пропадут Симоненко, — угрюмо сказал один из ветеранов.

— Негоже так, Никифор. Сколько раз вместе смерти в глаза смотрели. Так и отпустим?

Командир посмотрел вслед братьям, которые уже скрылись за деревьями. Правы старые товарищи, ох, правы. Не все решается простой арифметикой, холодным приказом. Да только и о других думать должен командир, о тех, кто с ним рядом, с кем еще воевать и воевать. И Москва требует активных действий, Центральный штаб партизанского движения помогал и оружием, и снаряжением. А тут такое происходит. По всем лесам гитлеровцы взялись зверствовать. Ни с чем не считаются: ни с потерями, ни с трудностями. От Орла и Курска до Брянска и Смоленска идут жаркие партизанские бои с врагом.

Никифор приказал отряду отдыхать, выставить охранение, а сам с десятком партизан двинулся лесом к селу. Стрельбы не было слышно, и от этого все тягостнее становилось на душе.

На опушке партизаны остановились. Некогда утопавшее в зелени садов село почернело от гари и дыма. Много хат сгорело дотла, на их месте сейчас торчали черные печные

трубы, валялись обугленные бревна. Поникшие яблони с потемневшей листвой, изрытые гусеницами военной техники улицы, поваленные заборы и оторванные калитки. В переулке и на околице валялось несколько пристреленных собак. И — ни одной живой человеческой души, ни крика птицы, ни голоса домашнего животного.

Перебегая от дома к дому, от забора к забору, партизаны двинулись через село, поглядывая по сторонам, чутко прислушиваясь. Кругом гробовая тишина...

Братьев Симоненко нашли у одного из домов. Они стояли, опустив головы. По щекам молодых сильных парней катились слезы. Беззвучно. Ходили ходуном побелевшие желваки.

Никифор подошел ближе, от увиденного у него похолодело внутри. Это была обычная картофельная яма. Многие в селах так хранили заготовленный на зиму картофель. Сейчас в ней лежали изуродованные тела женщин и детей. Опытные бойцы сразу поняли, что тут происходило. Жители села прятались в этих ямах от карателей, но те находили их. Бросали в ямы гранаты и шли дальше.

Партизаны разошлись по селу. Каратели давно ушли, живых в селе никого не оста-

лось. В домах лежали тела, прошитые автоматными очередями, во дворах валялись убитые собаки. Два мертвых старика с вилами в руках. Видимо, в отчаянии хотели защитить свои дома, но были безжалостно застрелены.

— Никифор, следы от колес ведут в сторону Алексеевки, — раздался голос Степана Симоненко. Братья все еще стояли спокойные и мрачные. — Если напрямки через болото, можно поспеть. Мы вдвоем пойдем.

— Степа, — командир покачал головой, вглядываясь в почерневшие, безжизненные глаза парней и ужасаясь тому, что не видит в них ничего, кроме смерти. — Степа, Пантюша, негоже так. Жить надо, бить врага надо.

— Прощайте, хлопцы, — Степан повернулся и пошел через село к лесу. За ним, молча забросив автомат на плечо, двинулся Пантелей.

Свиридов долго смотрел вслед ребятам, потом обвел взглядом уничтоженное село и проговорил:

— За все, гады, ответить придется — за смерти женщин и детей, за сожженные дома, за порушенное счастье народа! За все. Придем мы к вам и тогда посчитаемся. Ох, тяжело же вам будет, ох, тяжело...

Братья Симоненко хорошо знали окрестности. Хорошо знали и болото, которое на картах было помечено как непроходимое. Мокрые по пояс, они выбрались на сухое и принялись стягивать сапоги, выливать из них воду, отжимать портянки. И вдруг услышали стрельбу — били из немецких «Шмайсеров». Не сговариваясь, оба быстро натянули обувь, схватили автоматы и побежали через чахлый лесок в сторону села.

У самой околицы уже слышны были крики, выли бабы, сухо били автоматные очереди, лай собак превращался в истошный скулеж. Потянуло гарью, в нескольких местах в небо взметнулись огненные языки.

Пантелей бросился к крайней хате, буквально у входа во двор столкнулся с дюжим немецким солдатом. Сильным ударом партизан отбросил в сторону направленный на него ствол «Шмайсера» и схватил немца за горло. Они упали на землю, борьба была недолгой. Симоненко с такой силой сжал горло врага, что шейные позвонки хрустнули, лицо фашиста покраснело, он задергался и вскоре затих. Поднявшись на негнущихся от напряжения ногах, партизан пошел к дереву, где на сучке висело окровавленное детское тельце, подвешенное за рубашонку. Обезумевшими

глазами Пантелей долго смотрел на мертвого младенца, потом снял его с дерева и осторожно положил на траву.

Попятился, ощупывая себя: гранаты в кармане, запасные магазины к автомату, нож на поясе в ножнах. Он вышел со двора и пошел по улице. Немцев было много. Они сновали из двора во двор, стреляли, тащили за рога коров, ловили свиней и кур.

И тогда партизан начал поливать свинцом. Хладнокровно, короткими очередями он расстреливал опешивших от неожиданности фашистов. Менял опустевшие магазины и снова стрелял.

Пуля попала ему в руку чуть выше локтя, Пантелей поморщился от жгучей боли и достал гранаты. Одна полетела во двор, где разметала несколько солдат, вторая — вдоль улицы. Третью гранату Пантелей бросить не успел. Пули прошли грудь, он повалился лицом в дорожную пыль. Пальцы разжались, и граната покатилась по дороге.

Подбежавшие немецкие солдаты слишком поздно ее заметили. Даже мертвый, Пантелей Симоненко продолжал убивать врагов.

Степан прожил немного дольше брата. Расстреляв все патроны и разбросав гранаты, он взобрался в бронетранспортер, отпихнул

ногой убитого немца и развернул на врага пулемет. Степан уже расстрелял почти всю ленту, когда пуля угодила ему в лицо.

А вдоль улицы валялись сраженные им враги. Много врагов.

Машенька была удивительной девушкой. Митьков это понял сразу, едва только впервые столкнулся с ней в метро на эскалаторе. Он, как всегда, торопился, сбегал по ступеням вниз, когда девушка в ярком желтом берете вдруг выронила книжки прямо ему под ноги.

— Ой, простите, — галантно воскликнул Митьков и наклонился помочь.

Александр Блок, сказки Пушкина... Он с трепетом поднял книги и протянул девушке, взглянув в ее глаза цвета глубокой бездонной синевы. Даже налет легкого негодования в ответном взгляде не смутил молодого человека.

— Поэзия? В такое время? — улыбнулся Митьков.

— Для поэзии, для настоящей литературы всегда подходящее время, — строго заметила девушка, окинув взглядом высокого, стройного, симпатичного молодого человека. — Вы же не хотите сказать, что Блок или Пушкин неуместны в военное время?

Они встретились на следующий вечер и долго гуляли по Александровскому саду. Машенька оказалась учительницей и очень хорошо умела рассказывать. Митьков слушал ее голос, улыбался вдохновенным интонациям и украдкой любовался девичьим профилем. А потом был еще вечер вместе, и еще. И эта поездка на Воронцовские пруды. Май был просто удивительным, теплым и ярким. Казалось, что война далеко-далеко и что в столицу вернулась прежняя мирная жизнь. И только аэростаты и прожекторы в ночном небе, только очереди у хлебных магазинов и ночные патрули напоминали, что до мира еще далеко.

Они шли по темной улице, Митьков накинул пиджак на плечи Машеньки. А в переулке, где было совсем темно, девушка вдруг испуганно прижалась к своему спутнику. И это было так мило, доверчиво и непосредственно, что Митьков сразу расправил плечи, почувствовав себя защитником и опорой. Он остановился, прошептал что-то успокаивающее. А потом прижал девушку к кирпичной стене темной подворотни и стал целовать — нежно и осторожно, как будто боялся испугнуть ее чувства, как боялся испугнуть птенца, пушистого и еще не оперившегося.

— Ой, кто это?

Машенька оторвалась от горячих губ Митькова и, вцепившись в его рубашку, тревожно посмотрела куда-то в сторону.

— Ну что ты, глупая, — тихо засмеялся Митьков, прислушиваясь к голосам. — Не бойся!

Голоса были мужские, и интонации были знакомые. Блатной говорок, словечки «по фене». Где-то совсем рядом.

Митьков разглядел неподалеку отдушину подвала — небольшая труба с решеткой у разрушенной стены. То, что он услышал, заставило нахмуриться и сжаться в комок. Банда, явно немаленькая, намеревалась грабить какой-то магазин или склад. Бандиты ждали машину, на которой должны были ехать на место.

Сколько их там? Митьков отстранился от девушки и стал прислушиваться. Машенька удивленно и немного обиженно смотрела на молодого человека.

— Сивый, — властно прозвучал в подвале голос, похоже, главаря. — Ты с Хрипатым из машины носа не кажи, пока шухер не начнется или пока я сам не махну тебе рукой, тогда подъезжай. Если мусора нагрянут, отвлечешь, как я говорил. Машину — в сторону

Покровского монастыря, сами рвете на хазу, и ни звука там. Мухомор, тебе на шухере стоять возле артельной мастерской. Не забудь бутылку веселую! Чуть что — артельщикам в окно. Польшнет так — всей Таганке светло будет. Не до нас мусорам станет!

— Покровский монастырь, — прошептал Митьков. — Таганка... Точно, есть там артельная мастерская! Столярничают мужики, мебель делают, утварь разную. Там опилок и стружки и правда столько, что вывозить не успевают. Если мастерскую подожгут, сгорит половина улицы. Значит, грабить будут универмаг на Таганке. Угол Таганской и Ванюшинского переулка. Голос главаря знакомый. Хотя все они, уголовники, похожи.

— Ты что? — Машенька попыталась вырваться из рук молодого человека, но Митьков взял ее за плечи и чуть встряхнул.

— Маша, слушай меня, — строго заговорил Митьков. — Слушай и сделай, как я прошу. Иначе люди погибнут! Понимаешь?

— Не понимаю! О чем ты?

— Голоса вон оттуда, ты же сама слышала. Бандиты там. Нападение готовят на универмаг. Они не церемонятся. Убьют сторожа, постового милиционера, любого свидетеля зарежут, лишь бы концы спрятать

и скрыться. Помоги мне, Машенька, прошу тебя!

— О господи! — испуганно прошептала девушка и побледнела. Это было заметно даже в темноте.

— Маша, беги, милая! — торопливо зашептал Митьков. — Два квартала отсюда — там отделение милиции. Скажи, что сама слышала: мол, бандиты в подвале совещаются, собираются ограбить универмаг на углу Таганки и Ванюшинского. Сюда, скажи, пусть не едут, сразу мчатся на перехват.

— А ты? — глаза девушки блеснули в темноте тревогой.

— Задержу, сделаю, что смогу. Да беги же ты!

Машенька кивнула, решительно вытерла слезы и исчезла за углом дома.

Через какое-то время послышался рокот полуторки. Поскрипывал расшатанный кузов.

«Все, сейчас они сядут в машину и уедут. Правильно я решил, что сюда милицию звать бесполезно, — с удовлетворением подумал Митьков. — Не успеть им. А как успеть мне? Пустая улица, темная подворотня. И нигде не спрятаться. Даже за машину тайком не подцепиться, потому что в кузове тоже будут

бандиты. Многовато их — судя по голосам, человек шесть или восемь».

Выход один — рискнуть. Есть шанс, что не захотят бандиты шум поднимать. Лишь бы поверили, что он свой!

Где-то рядом в подвале затопали по деревянной лестнице сапоги. Банда поднималась наверх, к машине.

Митьков достал из внутреннего кармана пиджака удостоверение личности и сунул его за голенище сапога. Затем вытащил из-за ремня пистолет и взвел курок. Выйдя из подворотни на ночную улицу, осмотрелся. Ни прохожих, ни машин. И небо на горизонте светлеет.

Обойдя машину со стороны проезжей части, Митьков рывком открыл дверь водителя. Щуплый остроносый парень, в замызганной кепке, с трехдневной неопрятной щетиной, уже держал в руке монтировку — заметил чужака в зеркале. Но когда в лицо ему глянуло дуло «ТТ», замер и прошептал непослушными губами:

— Ты чего, землячок? Попутал меня с кем?

— Мои землячки далеко, — процедил сквозь зубы Митьков, копируя блатную манеру. — Рыпнешься — дырку в лобешнике

сделаю. Заводи свой примус. На базары времени нет.

И тут водитель, бросив быстрый взгляд за его спину, расплылся в ехидной ухмылочке. Митьков понял: случилось то, чего он опасался.

— А придется побазарить, фраерок, — заявил остроносый, поигрывая монтировкой.

— Слышь, малой, — раздался за спиной Митькова голос главаря, — «волыну» опусти и спускайся на землю грешную. Только медленно.

В бок Митькову уперлось что-то твердое: не то ствол пистолета, не то заточка. Пришлось спускаться с подножки задом, да еще держать поднятыми руки. Чьи-то пальцы бесцеремонно выхватили у Митькова пистолет. Он медленно повернулся, улыбаясь во весь рот и шевеля пальцами над головой, демонстрируя, что оружия у него больше нет и вообще настроен он миролюбиво.

— Это была шутка, — ехидно произнес Митьков. — Шучу я так, когда не спится. Особенно когда уголовка за пятки хватает.

— А я смотрю, ты фраерок веселый, — беззлобно усмехнулся главарь. — А чем же ты уголовке насолил? Пошутил неудачно? Ну-ка, обзовись!

— Я смотрю, тут все хозяйские, — Митьков медленно опустил руки и глянул на главаря. — А ты у них бугор. Короче, по малолетке меня на пересылке в Иркутске Занозой нарекли. Вторая ходка в Якутии была. Надоело мне в тайге среди снегов, вот решил пошустрить в Москве да свалить на Волгу. Там спокойнее, там у меня корешки остались. Я тут проездом, так что не судите строго: вляпался по самые уши. Двум операм дырки сделал, когда с «малины» срывался. Теперь мне уж не до рыжья и не до хабара. Поможете? Если что, я с вами могу.

— Красиво поешь, Заноза, — покачал головой главарь и кивнул своим. — Возьмите его с собой в кузов и глаз не спускайте. Посмотрим, что за человек, спросим людей знающих. А там решим, что с тобой делать. Или в дело сгодишься, или на перо — и в прорубь.

Это был тот самый исход, на который Митьков и рассчитывал. Хорошо зная уголовный мир, он и не рассчитывал, что ему поверят сразу. И убивать его умный главарь не станет, хоть и не поверит сразу ни одному слову. Если незнакомец не врет, если он и правда мусорской кровушкой попачкался, ему в ментовке не жить, а так — будет послушным исполнителем на самых низших

и опасных ролях в банде. Повязан этот Заноза, крепко повязан. Такого до поры беречь надо. Очень может пригодиться.

Митьков позволил бесцеремонно втащить себя в кузов полуторки и затих под рваным брезентом у самой кабины. Заработал мотор, машина тронулась.

Митьков прикидывал: разговор с бандитами занял у него минут пять. С того момента, как убежала Машенька, прошло минут десять. Как раз хватит добежать до ближайшего отделения милиции. До универсама по безлюдным улицам машина доедет минут за пятнадцать. Тем более что комендантский час уже закончился. Успеет опергруппа доехать за пятнадцать минут с Петровки до Таганки? Никак не успеет. Сообщат в районное отделение. Но пара милиционеров из районного отделения, которые прибегут на место, задачи не решат. Значит, надо действовать самому!

Бандит со шрамом на лице сидел напротив Митькова, поставив между ног трофейный немецкий автомат. Он вытащил из кармана «ТТ», который отобрал у Митькова, и стал его рассматривать.

— А «волына» у тебя ухоженная. Блестит, как у кота яйца. А может, ты из уголовки, это твой служебный, а?

— Хозяин был аккуратный, — цинично усмехнулся Митьков. — Когда помирал, просил беречь и ухаживать, как за своей любимой.

Произнеся это, он бросил взгляд на бандита и отвернулся. Митьков давно, года три назад, заметил у братвы такие вот характерные взгляды, которые порой говорят о человеке больше, чем слова, чем его одежда или манеры. Нет в тебе стержня стального, и как ты ни тужься, без труда разглядят в тебе бесхребетного, куклу тряпичную. А можно так глянуть, что у собеседника невольно холодок по спине побежит. Поймет он спинным мозгом, шестым чувством, интуицией своей извращенной поймет, что перед ним человек, для которого ничего святого не существует, что для своей выгоды предаст он кого угодно, продаст, финку в спину вгонит и не поморщится. Именно таким натренированным взглядом и одарил бандита Митьков, тут же отвернулся и стал разглядывать посветлевшую улицу в прореху брезента.

Стараясь не выдавать своего интереса к происходящему снаружи, Митьков прикидывал, где они сейчас едут и далеко ли до цели. Итак, в кабине двое. Тот самый водитель с монтировкой и главарь. В кузове еще

четверо. Причем трое с немецкими «Шмай-серами», и у каждого за ремнем еще и по пистолету. Глаза с прищуром, на пальцах наконки. Все тертые ребята, крови на каждом немерено. Это чувствуется. Да, огневая мощь у банды приличная, хорошо подготовились. Значит, церемониться не будут.

Митьков потянулся и демонстративно зевнул. Бандит со шрамом, не сводивший с него глаз, спросил:

— Не выспался, шкет?

— Я тебе не шкет, — огрызнулся Митьков. — Не выспался! Я две ночи на ногах, мне в уголовку никак нельзя. Хорошо, вас встретил. Только вот не получилось бы из огня да в полымя.

— А это уж как выйдет, — заржал бандит, широко раскрыв рот и блеснув золотым зубом.

«Пора», — решил Митьков.

Поймав момент, когда сидевший перед ним бандит меньше всего ожидал нападения, он ударил его костяшками пальцев точно в кадык. Что-то хрустнуло, бандит захлебнулся кашлем, схватился за горло. Пистолет выпал из его рук и отлетел в сторону.

Митьков чертыхнулся от такой неудачи, заметив, как ближайший к нему бандит дер-

нул затвор автомата. В этот прыжок Митьков вложил все свои силы: оттолкнувшись ногами от шатких досок кузова, он успел перехватить руку бандита, ударить его локтем в лицо и стиснуть рукой его пальцы на автомате. Короткий рывок стволом, и автоматная очередь прорезала тишину раннего московского утра. Сильный удар локтем в лицо бандиту, который пытался вырвать автомат из рук Митькова, и грянула вторая очередь. Две пули в грудь, одна в голову свалили еще одного противника.

Теперь Митьков боролся один на один. Нужно было заканчивать, сейчас остановится машина, и он окажется в кузове как на ладони. Главарь, не размышляя, прошьет брезент автоматными очередями и скроется во дворах.

Зарычав от напряжения, Митьков освободил правую руку и ударил бандита пальцами в глаза. От боли и неожиданности тот ослабил хватку. Выбив из его рук автомат, Митьков перехватил противника за голову и коротким рывком с поворотом сломал ему шею.

В этот момент машина резко остановилась. Подхватив с пола свой пистолет, Митьков одним движением перепрыгнул через задний борт и мягко, почти беззвучно приземлился на землю. В следующий миг скользнул тенью под днище автомобиля.

Беглого взгляда вокруг было достаточно, чтобы понять, что их полуторка остановилась в квартале от универмага. А еще в соседнем дворе Митьков успел разглядеть бородатое лицо дворника. Хорошо, дворник наверняка позвонит в милицию. Только бы продержаться, пока не приедет помощь! Черт, трупов многовато, нужно же кого-то и живым взять. Судить таких надо!

Митьков не стал ждать, как поступит главарь. Наверное, отойдет подальше и заставит водителя заглянуть под брезент. Но тогда, отойдя от полуторки на несколько шагов, он увидит человека под колесами. Вариантов практически не было. Выругавшись нехорошими словами, Митьков выкатился из-под машины, ударив главаря по ногам. Водитель с пистолетом в руке отпрянул в сторону, но Митьков успел дважды выстрелить в него, потом схватил упавшего главаря за руку, в которой тот стискивал наган.

— Сука, — прохрипел бандит, борясь с молодым сильным противником, — надо было тебя сразу на перо посадить!

— Поздно теперь об этом говорить, — прорычал Митьков и с силой ударил лбом в лицо бандита.